

АНДАТИВ И ВЕНТИВ В ЯЗЫКАХ СИБИРИ: К ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ*

О. С. Волков

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва
kot_gitarist@mail.ru

И. А. Стенин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва
ystein88@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются глагольные показатели со значениями ‘пойти, чтобы Р’ и ‘прийти, чтобы Р’ в языках Сибири и Дальнего Востока. Особое внимание уделяется противопоставлению андатива и вентива в лесном ненецком языке и дейктически неориентированным направительным показателям в ряде тунгусо-маньчжурских языков. Кроме того, привлекаются данные языков других семей и ареалов, в которых обнаруживаются морфемы со схожей, но не идентичной семантикой, описываемые в литературе как показатели глагольной ориентации, «сопутствующего движения» или «движения с целью». Статья содержит также обсуждение возможных путей грамматикализации направительных показателей и предварительный список их свойств, являющихся параметрами межязыкового варьирования.

Ключевые слова: андатив, вентив, глагольная ориентация, движение с целью, сопутствующее движение, языки Сибири, лесной ненецкий язык, чукотско-камчатские языки, тунгусо-маньчжурские языки, грамматическая типология.

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02081) в МГУ имени М. В. Ломоносова.

**Andative and ventive in the languages of Siberia:
towards a typology of verbal orientation**

O. S. Volkov

National Research University Higher School of Economics,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
kot_gitarist@mail.ru

I. A. Stenin

National Research University Higher School of Economics,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
ystein88@gmail.com

Abstract. The paper discusses verbal markers meaning ‘go in order to P’ and ‘come in order to P’ in languages of Siberia and the Russian Far East. Special attention is paid to Forest Nenets and some Tungusic languages. Andative vs. ventive opposition (expressing, respectively, motion from and to the deictic center) is identified in Forest Nenets for the first time. In Forest Nenets, these markers are non-implicative, i. e., in order to use them, the goal situation P does not need to have taken place in the actual world (even where they mark finite verbs in indicative sentences with past reference), only the motion situation. Though most Tungusic languages also have more than one directional-purposive marker, these usually show a different type of an opposition, namely that between ‘go in order to P’ and ‘go in order to P and come back’. The former markers are not deictically oriented, while the latter differ from typical andative markers in that their meaning has a reditive component (‘returning to the initial point’).

As a typological background, the paper also briefly considers data of some languages spoken in other areals. Morphemes with similar, but often not entirely identical meanings, attested cross-linguistically, are usually described as markers of associated motion or motion-cum-purpose categories. The latter term suits the discussed Siberian-language markers best, because, in contrast to the former term, it highlights both the syntactic role of the motion situation participant (where *s/he* is coreferent with the S/A-participant of the goal situation) and the temporal sequence of the situations.

The article also proposes some observations on the possible grammaticalization paths of motion-cum-purpose markers and provides a tentative list of typological parameters which can be relevant for this domain.

Keywords: andative, ventive, verbal orientation, motion-cum-purpose, associated motion, languages of Siberia, Forest Nenets, Chukotko-Kamchatkan languages, Tungusic languages, grammatical typology.

1. Введение¹

Данная статья является скромной попыткой взглянуть на глагольные показатели, выражающие значения, которые можно истолковать в первом приближении как ‘пойти, чтобы Р’ и ‘прийти, чтобы Р’. Подобные значения имеют непосредственное отношение к зоне глагольной ориентации, однако, как представляется, семантика показателей такого рода устроена несколько сложнее, чем семантика обычных ориентационных морфем. Аффиксы первого типа, обозначающие движение субъекта от дейктического центра с целью совершить действие Р, мы будем называть *андативными*, а аффиксы второго типа, обозначающие, напротив, движение субъекта к дейктическому центру с целью совершения Р, — *вентивными*. В этом мы будем следовать предложению, высказанному в [Плунгян 2002], хотя терминологический разнобой в этой области, как будет показано ниже, весьма серьезный.

В языках Сибири и Дальнего Востока, материалом которых мы здесь ограничимся, андатив встречается чаще вентива; он засвидетельствован в чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, тунгусо-маньчжурских, юкагирских и некоторых самодийских языках.

¹ Статья была написана для сборника в честь восьмидесятилетия А. П. Володина (1935–2017). Исследовательский ландшафт в данной области претерпевает в последние годы существенные трансформации; ср., в частности, новые работы о категории «сопутствующего движения» (associated motion) [Rose 2015; Guillaume 2016], о несобственных употреблении дейктических показателей [Belkadi 2015], о грамматикализации показателей андатива и вентива в классическом маньчжурском [Alonso de la Fuente, Jacques 2018], о показателях «движения с целью» (motion-cum-purpose) [Стойнова 2016; 2017]. В связи с этим многие наблюдения, представленные здесь, кажутся нам еще более поверхностными, а терминологические решения — еще более сомнительными, чем изначально, однако мы публикуем настоящие заметки практически без изменений в том виде, в котором они были написаны к юбилею А. П. Володина.

В частности, андатив отмечается в ительменском языке; ср. *no-kes* (есть-INF) vs. *now-ata-kes* (есть-AND-INF) ‘пойти, чтобы есть’. Ориентироваться в ительменских данных помогает не только прекрасно структурированная грамматика [Володин 1976], но и комментарии к текстам, записанным и расшифрованным А. П. Володиным, причем как к изданным [Володин 2008], так и к неизданным [Володин рук.], которыми с нами в свое время любезно поделился автор. Из этих кратких, но емких замечаний можно, например, узнать, что формы с показателем *-ata*, которые в грамматике характеризуются как имеющие направительно-целевое значение, постепенно утрачивают свою семантику. Промежуточная стадия этого процесса представлена в текстах на северном (седанкинском) диалекте, записанных в 1970-х гг., где встречаются примеры плеонастических конструкций, которые включают глагол перемещения и нефинитную форму с показателем андатива, выполняющую функцию обстоятельства цели. Ср. два следующих примера из [Володин рук.].

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ² (седанкинский; Камчатский край)

(1a) *t-lay-ata-l-kipe(?)nen*

1SG.S.IND-сказать-AND-FUT-3PL.OBL

‘{Ну-ка снова выйду,} пойду скажу им’ (Текст 25).

(1b) *qutx k'-it-knen əlčko-ta-s*

Кутх NARR-пойти-NARR.SG смотреть-AND-INF

‘Кутх пошел посмотреть’ (Текст 39).

В первом примере глагол с аффиксом андатива является вершиной независимого предложения и согласуется как с Агенсом (за это отвечает префикс), так и с Адресатом (с помощью суффикса из специальной серии показателей косвенно-объектного согласования). Во втором случае вершиной является глагол *it-* ‘пойти’ (он представлен в специальной нарративной форме т. н. III инфинитива, при которой возможно согласование с подлежащим только по числу, но не по лицу), а глагол *əlčko-* ‘смотреть’ с аффиксом андатива является сирконстантом цели. В экспедиции на Камчатке зимой 2014 г. нам посчастливилось встретиться и пообщаться с несколькими ительменами, которые еще помнят свой родной язык, и мы можем

² Поморфемная нотация примеров наша, в остальных случаях глоссы, используемые в различных источниках, частично изменены.

только подтвердить, что ситуация обстоит примерно так, как было зафиксировано А. П. Володиным в 1970-х гг. Носители седанкинского диалекта по-прежнему опознают и используют в своей речи андативные дериваты, однако не замечают тавтологичности конструкций типа (1b) и также употребляют их.

Дальнейшая часть статьи организована следующим образом. В **разделе 2** мы рассматриваем данные лесного ненецкого языка, в котором существует оппозиция андатива и вентива. В **разделе 3** на материале чукотско-корякских языков обсуждаются возможные пути грамматикализации показателя андатива. В **разделе 4** рассматриваются дейктически неориентированные направительные показатели в некоторых тунгусо-маньчжурских языках. В **разделе 5** андатив и вентив сопоставляются с близкими, но не идентичными показателями, отмечаемыми среди ориентационных глагольных систем в других языковых ареалах. Статья завершается обсуждением параметров варьирования, которые могут быть релевантны для дальнейшего типологически ориентированного изучения андатива и вентива.

2. Лесной ненецкий³: андатив vs. вентив

Лесной ненецкий отличается от ительменского прежде всего тем, что в нем отмечен не только андативный (2), но и вентивный (3) показатель. Насколько нам известно, данные показатели не выделялись ранее в литературе, а в текстах на лесном ненецком они глоссировались весьма хаотичным образом.

- лесной ненецкий (пуровский; с. Халясавэй, ЯНАО)
- (2) *mânu*^o *nyá-j*^o *nyata-soq-m*^{oq}
 я товарищ-(ACC.)POSS.1NPL помочь-AND-1SG.S
 ‘Я пошел помочь другу’.
- (3) *päm*^o*syâm-sy*^o *syíq-j*^o *nyata-soja-ji-n*^o
 стемнеть-CVB PN.ACC-POSS.1NPL помочь-VEN-COND-2SG.S
 ‘Вечером приходи помочь мне’.

³ Разрозненные данные пуровского говора лесного ненецкого языка собраны в ходе экспедиции в с. Халясавэй (Пуровский район, ЯНАО) зимой 2013 г. В настоящей работе используется рабочий вариант транскрипции, основанный на соображениях, высказанных в [Salminen 2007]. Примеры без ссылок являются элицированными.

(5a) *lap°ka-n° to-ŋa-tâ-sy° wuɛsya-j°*
 поселок-DAT прийти-GFS-1SG.S-PST железо-(ACC.)POSS.1NPL
nyâqm°-soja-°q
 получить-VEN-CVB

‘Я приехал в поселок получить деньги’.

(5b) *lap°ka-n° kâ-n°-ŋa-t° wuɛsya-j°*
 поселок-DAT уйти-FUT-GFS-1SG.S железо-(ACC.)POSS.1NPL
nyâqm°-soq-sy°
 получить-AND-CVB

‘Я поеду в поселок получить деньги’.

Из неиндикативных форм андатив и вентив употребляются в лесном ненецком по крайней мере в императиве (6b), кондиционалисе (оптативе) (3) и гортативе, при этом, как отмечается в [Гусев 2013: 67–71], императив является типологически наиболее естественным, а иногда и единственным контекстом употребления андатива.

(6a) *tîxul°-q!*
 собирать.ягоду-IMP.2SG.S

‘Собирай ягоду!’ {уместно в ситуации, когда ягода прямо под ногами у адресата сообщения}.

(6b) *tîxul°-sos°-q!*
 собирать.ягоду-AND-IMP.2SG.S

‘Иди собирай ягоду!’ {уместно в ситуации, когда адресату, чтобы начать собирать ягоду, необходимо преодолеть сперва некоторое расстояние}.

Отдельный вопрос состоит в том, каким образом показатели андатива и вентива взаимодействуют с аспектом. Согласно устоявшимся представлениям (ср., в частности, [Шлуинский 2012]), вид в лесном ненецком, как и в тундровом ненецком и других самодийских языках, является словоклассифицирующей, а не словоизменяющей категорией (об особенностях нганасанской аспектуальной системы см. [Гусев 2012]). Все глагольные лексемы делятся на перфективные и имперфективные, а вид производного

но и в рамках одной словоформы. Соответствующие примеры можно, в частности, найти в текстах на аллоторском языке.

глагола определяется по последнему словообразовательному аффиксу. Кроме того, считается, что в ненецких, энецких и селькупских диалектах противопоставление перфективности vs. имперфективности однозначно совпадает с противопоставлением событийности vs. несобытийности в терминах [Шлуинский 2012]. Таким образом, принято считать, что в этих языках нет не только имперфективных событийных глаголов (т. е. описывающих ситуацию с изменением фазы), но и перфективных несобытийных (т. е. описывающих ситуацию без изменения фазы). К сожалению, у нас нет данных о сочетаемости андативных и вентивных дериватов с обстоятельствами длительности и срока, однако их временная референция в наименее маркированной форме свидетельствует о том, что они, по всей видимости, являются перфективирующими деривациями.

- ЛЕСНОЙ НЕНЕЦКИЙ (аганский; с. Варьёган, ХМАО-Югра)
- (7) Кука́хана' — вандка́на — касама' кантясо'на' [Вэлла 2008].
kúkā-xāna wanl°q-kāna kasama-q kanja-soq-ŋa-q
 который-LOC легенда-LOC мужчина-PL охотиться-AND-GFS-3PL.S
 'Однажды, по легенде, пошли мужчины охотиться'.

Так, в примере (7) андативный показатель сочетается с имперфективным глаголом *kanja-* 'охотиться' и полученный в результате деривации новый глагол реферирует к прошлому, тогда как непродеривированный глагол *kanja-* реферировал бы к настоящему.

Кроме того, данный пример, взятый в более широком контексте, иллюстрирует тот факт, что в условия истинности употребления андативного (и предположительно — вентивного) деривата входит только реальность осуществления ситуации перемещения в актуальном мире, тогда как ситуация Р, ради которой собственно и совершается перемещение, не обязана иметь место. В легенде, из которой взят этот пример, повествуется о том, что однажды охотники, прослышав, что гуси где-то рядом, отправились на охоту и заночевали на яру, чтобы с утра напасть на стаю, однако ночью бог Тяпту-кахэ⁶ прокрался в гусином обличье к их лодкам и обгрыз

⁶ По крайней мере у некоторых лесных ненецких родов (Айваседа) гусь считается священной птицей и охотиться на него запрещено. Тяпту-кахэ (*jāptu käh°*, букв. 'гусь идол') — имя бога, покровительствующего оленятам и летающего в гусиной стае в гусином обличье.

все ручки на веслах, так что утром они были вынуждены прекратить охоту, так и не начав ее.

Таким образом, названная особенность употребления андатива в лесном ненецком позволяет высветить необходимость постулирования целевого компонента в семантике андативного деривата. Ситуация Р, ради которой совершается перемещение субъекта из точки А в точку В в направлении от дейктического центра, не обязательно имеет место в актуальном мире. Как видно из примера (7), андативный дериват в перфективной клаузе ничего не сообщает об осуществлении ситуации Р. Однако в норме, конечно, если человек пошел в тундру или в лес, чтобы охотиться, и никакие посторонние силы не вмешиваются в естественный ход вещей, то во всех лучших мирах он в итоге охотится. Если бы андатив в лесном ненецком имплицировал реальность искомой ситуации Р, структура его значения выглядела бы несколько проще, — грубо говоря, ‘пойти и Р’, а не ‘пойти, чтобы Р’ — и налагала бы на эти два события только ограничения, связанные с их временной последовательностью.

Если в других языках Сибири ситуация обстоит аналогичным образом, то это объясняет, почему авторы некоторых грамматик помещают соответствующие аффиксы в ряду модальных (как в удэгейской грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001]), а некоторые — просто называют его «целевым» показателем (ср. *purposive* в чукотской грамматике [Dunn 1999]). Однако на самом деле свойство имплицативности является параметром межъязыкового варьирования, как будет показано ниже в разделе 5 на примере одного из гьялронгских языков.

Показатели *-soq* и *-soja* очевидным образом не возводимы ни к одному из базовых глаголов перемещения, которые выглядят в лесном ненецком следующим образом: *tuin-* ‘идти, двигаться’, *jatâ-* ‘идти пешком’, *kä-* ‘уйти, отправиться’, *to-* ‘прийти, прибыть’. Наиболее вероятными их источниками кажутся глаголы *xoq-* ‘вычерпать что-л.; достать, набрать что-л. откуда-л.’ < **soq-* и *xoja-* ‘добиться чего-л.’ < **soja-* (Тапани Салминен, л. с.). Подчеркнем, что в тундровом ненецком показателей андатива или вентива не обнаружено, хотя исследован этот язык в целом значительно лучше. Из других уральских языков андатив отмечается только в нганасанском [Гусев 2012] (где его показателем выступает гортанная смычка), а вентив — нигде более.

3. Пути грамматикализации направительных показателей: чукотско-корякские языки

В чукотско-корякских языках андатив выражается когнатными показателями *-cqiw/ -sqiv/ -tqiw* (в порядке перечисления даны телькепский чукотский, собственно алюторский и паланский корякский варианты, отмечаемые в работах [Dunn 1999; Кибрик и др. 2000; Мальцева 2013] соответственно).

- чукотский (телькепский; Анадырский р-н Чукотского АО)
 (8) *cake-qaj tə-re-piri-cqiw-ŋə-n*
 sister-DIM.3SG.ABS 1SG.A-FUT-take-PURP-FUT-3SG.P
 ‘I’ll go to take back [my] sister’ [Dunn 1999: 370].

- АЛЮТОРСКИЙ (с. Вывенка, Камчатский край)
 (9) *nuŋ-alu-sqiv-a mən-itə-tkən*
 NEG-собирать.ягоды-идти-ANAL 1NSG.S+OPT-быть-IPFV
 ‘Не надо будет нам ходить за ягодами’ [Кибрик и др. 2000: 34].

- КОРЯКСКИЙ (паланский; Камчатский край)
 (10) *javo mə-lehu-tqiw-ne-w*
 подожди.ка 1SG.A+OPT-увидеть-PER-3NSG.P-PL
 ‘Подожди-ка, схожу навестить их’ [Мальцева 2013: 148].

Как отмечается в работе [Dunn 1999: 238], чукотский суффикс *-cqiw* этимологически родственен глаголу *lqət-* ‘отправляться’. Аналогичный взгляд отражен в сравнительном словаре [Fortescue 2005: 414], где соответствующий показатель реконструируется на прачукотско-корякском уровне как *-lqiv* и этимологизируется как сочетание глагольной основы (*lə*)*qət-* и интенсификатора *-jəv*. Глагол *lqət-* при этом, наряду с еще несколькими действительными глаголами движения, может инкорпорировать другие глагольные основы. Инкорпорироваться могут только непереходные глаголы, в частности, не являющиеся действительными ориентированными глаголы, обозначающие способ движения.

- чукотский (телькепский; Анадырский р-н Чукотского АО)
 (11) *ekwew-u jəp-an-nen jara-ŋqaca-ytə,*
 reindeer.type-EQU dress-TH-3SG.A.3SG.P house-SIDE-ALL

laxi-[?]ire-lqat-y[?]i

INTS-gallop-set.off-TH

‘He put it on as the leftside reindeer; they galloped off homewards’
[Dunn 1999: 231].

При другой возможной интерпретации таких сложных глаголов инкорпорируемая основа выражает цель, для достижения которой производится перемещение, обозначаемое вершиной. Инкорпорироваться при этом могут как глаголы движения, так и ряд других глагольных основ (12), в том числе стативных. Однако от чего именно зависит интерпретация образа действия vs. цели и является ли она фиксированной при определенном композите, грамматика М. Данн не сообщает.

- (12) *qanwet anqen teŋ-ənjiw raju-lqat-y[?]i=ʔm*
finally DEM.3SG.ABS good-uncle.3SG.ABS stand.watch-set.off-TH=EMPH
‘Finally the good uncle went to stand watch’ [ibid.].

М. Данн отмечает, что данный тип инкорпорации напоминает, с одной стороны, глагольную сериализацию⁷, а с другой, — категорию т. н. сопутствующего движения (*associated motion*), отмечаемую в грамматиках многих австралийских языков [ibid.: 231–232]. К категории сопутствующего движения мы вернемся в разделе 5 в связи с материалом языков других ареалов. Пока же отметим лишь, что семантика *-cqiw* и *lqat-* в примерах (8) и (12) представляется весьма похожей. Показатель *-cqiw*, в отличие от *lqat-*, сочетается в том числе с переходными глаголами (8). При этом случаев, в которых аффиксы *-cqiw* / *-sqiv* / *-tqiw* присоединялись бы к глаголам перемещения, в доступных нам текстах и грамматических описаниях обнаружить не удалось, за исключением глагола ‘войти’, который в разных частях чукотско-камчатского ареала демонстрирует в разной степени идиосинкратическое поведение⁸.

⁷ О том, почему и как эти явления следует разграничивать, см. [Виняр 2016].

⁸ Например, в телькепском чукотском, описанном в грамматике [Dunn 1999], глагол ‘войти’ выглядит как *re.cqiw-*, т. е. исходно содержит андативный показатель, однако уже не употребляется без него. В той разновидности алуторского языка (говор с. Вывенка), которая описана в [Кибрик и др. 2000], *ra.lqiv-* ‘войти’ также исходно является производным, но синхронно не членится и допускает образование андативного деривата *ra.lqivə-sqiv-*.

В разделе 2 говорилось, что показатели андатива и вентива в лесном ненецком не могут изменять аргументную структуру исходного предиката, и модель управления остается прежней. В нашем распоряжении тем не менее имеются примеры из чукотско-камчатских и тунгусо-маньчжурских языков, демонстрирующие, что в общем случае это не так. В примере (13) иллюстрируется случай, когда при андативном деривате может поверхностно выражаться Цель, т. е. конечный пункт движения (в данных примерах — с помощью именной группы в дативе).

- АЛЮТОРСКИЙ (с. Вывенка, Камчатский край)
- (13) *sisis^ʔə-n* *u.ptə-sqiv-i* *yillanə-ŋ*
 Сисисын-НОМ+SG рубить.деревья-идти-3SG.S+PF ольха-ДАТ
 ‘Сисисын пошел за дровами в ольховник’ [Кибрик и др. 2000: 54].

Исходный глагол в примере (13), ‘рубить деревья’, является непереходным, и если бы он присоединял обстоятельство места, последнее выражалось бы наречием или именной группой в локативе, но не в дативе. Очевидным образом, возможность выражения факультативного семантического актанта с ролью Цели возникает вследствие андативной деривации.

В работе [Татевосов 2015: 251] выделяются три наиболее типичных функции глагольной деривационной морфологии, воздействующей на экстенционал предиката: 1) изменение состава подсобытий, описываемых событийным предикатом; 2) изменение количественных характеристик событийного предиката; 3) изменение фазовых характеристик событийного предиката. Несмотря на то, что говорить об андативе как об актантной деривации вряд ли представляется возможным, по крайней мере, при традиционном определении этого понятия (ср. [Плунгян 2000]), в терминах структуры события (см., например, [Лютикова и др. 2006]) андативизация, вероятно, может быть описана как операция, модифицирующая состав (под)событий, описываемых предикатом. Иными словами, она попадет в тот же тип деривационной морфологии, что и операция, известная как каузативизация. Если такой взгляд оправдан, то немедленно встает вопрос о том, каким образом сложная⁹ событийная

⁹ Ср. замечание относительно соответствующего ительменского показателя в грамматике, написанной А. П. Володиным в соавторстве с Шт. Георгом: «-ata,

структура андатива ведет себя по отношению к различным тестам, направленным на выявление структуры события, а именно какова в случае андативного деривата сфера действия отрицания, различных обстоятельств, каковы возможности эллипсиса и пр. В настоящий момент мы, к сожалению, не располагаем соответствующими данными, так что это остается задачей будущего.

В аллюторском языке также засвидетельствован частотный суффикс *-lqiv*, выражающий широкий спектр значений из аспектуальной зоны: в работах А. А. Мальцевой (см. подробнее [Мальцева 1998: 36–41; 2013: 147–149]) он трактуется как показатель инхоатива и длительного вида, в [Кибрик и др. 2000: 439] — как «глагольный видовой суффикс со значением начинательности, однократности действия или длительности действия». Диахроническая связь показателей *-lqiv* и *-sqiv* очевидна, однако не совсем ясно, каким именно образом проходила грамматикализация: данные показатели могли параллельно развиваться из глагола *lqat-*, или же один из них мог произойти из другого; семантически, как кажется, любому из этих переходов можно было бы найти оправдание.

Семантическая связь андатива и инхоатива побуждает А. А. Мальцеву рассматривать *-sqiv* и *-lqiv* в числе «акциональных постфиксов» [Мальцева 1998: 154–157]. М. Данн помещает аффикс *-sqiw* в ряду модальных показателей и называет его *purposive*, по-видимому, выделяя из его семантики только целевой компонент и оставляя за скобками направительный. Нам кажется, что семантика андатива не вписывается ни в аспектуальную, ни в модальную зону, однако является близкой к некоторым аспектуальным и модальным значениям и, соответственно, в некоторых случаях можно ожидать развития андативных показателей в видовые и модальные. Так, среди аспектуальных значений андатив обнаруживает определенную близость с инхоативом (ср. конструкции с глаголом *пойти* в русском языке, типа «Опять направо и налево // пойдет хозяйничать зима» (Б. Л. Пастернак)) и с проспективом (ср. английские конструкции с *going to*), что объясняет, в частности, существование

direktiv, d. h. das durch dieses Suffix gebildete Verbum bildet ein semantisch komplexes Prädikat, bestehend aus der Bedeutung des Grundverbs + „hingehen“» [Georg, Volodin 1999: 161]. Ср. ниже в разделе 5 данные австралийского языка вамбая, описываемые в статье [Nordlinger 2010] с помощью понятия *complex predicate*.

схожих путей грамматикализации данных показателей. Возможность модального анализа показателей такого рода может объясняться ирреальным статусом ситуации Р, ради осуществления которой совершается перемещение субъекта из точки А в точку В. Данная семантическая связь, возможно, также является причиной, по которой значительная часть употреблений андативного показателя приходится на словоформы, маркированные императивом, оптативом или будущим временем.

4. Дейктически неориентированные направительные показатели: тунгусо-маньчжурские языки

Таким образом, в чукотско-корякских, ительменском, нганасанском отмечается только один показатель «движения с целью», и лишь в лесном ненецком зафиксирована оппозиция андатива и вентива. Согласно ряду описаний тунгусо-маньчжурских языков, в них также существует более одного направительно-целевого показателя, однако они отражают иное противопоставление: ‘пойти, чтобы Р’ vs. ‘сходить, чтобы Р (и вернуться)’¹⁰.

Так, например, в работе [Роббек 1982], в которой подобные морфемы в эвенском языке рассматриваются среди видовых показателей, в группу «направление движения» включаются четыре аффикса: *-на / -нэ*, *-рга / -ргэ*, *-лга / -лгэ*, *-нас / -нэс*. Однако два из них несомненно принадлежат рефактивной семантической зоне (более подробно см. [Стойнова 2012]): *-рга / -ргэ*, судя по примерам, выражает редитивное значение ‘вернуться в исходную точку’ (*эмэ-ргэ* ‘вернуться’ < *эмэ* ‘прийти’), а *-лга / -лгэ* — реверсивное значение ‘вернуться в исходное состояние’ (*чора-лга* ‘снимать жерди яранги’ < *чора* ‘ставить жерди яранги’, *алу-лга* ‘распрягать’ < *алу* ‘запрягать’).

Аффикс *-на / -нэ*, на первый взгляд, имеет стандартное андативное значение (*гэлэт-нэ* ‘пойти искать’ < *гэлэт* ‘искать’). Относительно этого аффикса сообщается, что он продуктивен, и лишь часть глаголов движения и состояния не присоединяет его, что

¹⁰ Это не относится как минимум к классическому маньчжурскому языку, в котором, согласно [Alonso de la Fuente, Jacques 2018], выделяются показатели андатива ‘пойти, чтобы Р’, вентива ‘прийти, чтобы Р’ и андатива-каузатива ‘послать делать Р’.

согласуется с наблюдениями, данными выше, и представляется логичным в свете семантики андатива. Что касается последнего аффикса, он заслуживает несколько большего внимания. Согласно [Роббек 1982: 73], «глаголы с суффиксом *-нас / -нэс* обозначают действие, которое осуществляется при перемещении из какого-либо пункта, и возвращение обратно»; ср. *гургэвчи-нэс* – ‘сходить на работу (один раз и вернуться)’ < *гургэвчи* – ‘работать’. Не следует, однако, понимать данную формулировку так, что действие Р происходит во время движения. Более точным, возможно, было бы сказать, что аффикс *-нас / -нэс* маркирует перемещение из точки А в точку В, где осуществляется искомое действие Р, выражаемое исходной глагольной основой, и возвращение в исходную точку. Таким образом, наиболее простой и очевидный анализ данного аффикса предполагает, что структура его значения сложнее структуры значения андатива ровно на редитивный компонент.

В то же время, как показывает материал других тунгусо-маньчжурских языков, эвенский аффикс *-нас / -нэс* на самом деле является составным. Так, в удэгейском языке аналогичное значение ‘сходить, чтобы Р (и вернуться)’ выражается, согласно [Nikolaeva, Tolskaya 2001], сочетанием¹¹ директивного показателя *-nA* и показателя *-sA*, имеющего экспериентивное¹² значение ‘ситуация Р имела место по крайней мере раз в прошлом’. Ср. деривационную цепочку: *wakca-na-sa* – ‘come back after hunting’ < *wakca-na* – ‘go to hunt’ < *wakca* – ‘hunt’ [ibid.: 321].

В грамматике сообщается [ibid.: 322], что данный показатель чрезвычайно продуктивен и сочетается практически с любыми нестативными основами, если результат семантически приемлем. Как отмечалось еще в [Шнейдер 1936: 141], аффикс *-nA* выражает идею движения в самом общем виде, т. е. перемещение не обязательно должно осуществляться пешком, но может также по воздуху, по воде, бегом и т. д. Кроме того, в [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 264] говорится, что в формах императива словообразовательный суффикс *-nA*

¹¹ В орокском языке такое значение также возникает при сочетании двух морфем: направительного аффикса *-нда / -ндэ* и показателя *-ma / -mэ* [Петрова 1967: 92].

¹² Согласно [Nikolaeva, Tolskaya 2001], редитивное (regressive) значение показателя *-sA*, примеры на которое можно найти в [Шнейдер 1936], в современном удэгейском языке не обнаруживается, если не считать его сочетаний с аффиксом *-nA*.

зачастую присоединяется даже тогда, когда компонент перемещения уже присутствует в семантике исходной глагольной основы, — показатель *-nA* оказывается таким образом избыточным.

- удэгейский (северный)
- (14) *jegdige, guy-ki-ni, dau-ne-je*
 hero say-PST-3SG carry.over-DIR-IMP.2SG
 ‘{She said:} hero, carry (us) over’ [Кормушин 1998: 107] (цит. по [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 264]).

Если такого рода употребления можно было бы объяснить спецификой императива, с которым андативные и вентивные показатели склонны нетривиальным образом взаимодействовать в самых разных языках (подробнее см. [Гусев 2013: 67–71]), то каков семантический вклад аффикса *-nA* в примерах типа следующего, без специального исследования выяснить вряд ли возможно.

- удэгейский (южный; с. Красный Яр, Приморский край)
- (15) *sita-ni tuka-na:-ni zugdi-tigi*
 child-3SG run-DIR.PST-3SG house-LAT
 ‘His son ran home’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 846].

Однако наиболее важной особенностью директивного показателя в удэгейском языке является, на наш взгляд, то, что он не является дейктически ориентированным. Несмотря на то, что обычно данный показатель переводится на русский язык глаголом *пойти*, он же используется и в тех случаях, когда предполагается перемещение в место, где находится говорящий.

- удэгейский (аннойский; Хабаровский край)
- (16) *uj'ei tam'asa, sina-di-i diŋe-u-ge-i,*
 Уей старуха котомка-DAT-SS.SG давить-PASS-PF-1SG
bele-ne-je!
 помогать-DIR-IMP
 ‘Старуха Уей, я носилками придавлен, иди помоги!’ [Шнейдер 1937].

То же самое касается дериватов, последовательно присоединяющих показатели *-nA* и *-sA*: они употребляются в том числе в тех случаях, когда Агнс совершает перемещение в место, где находится во время ситуации Р говорящий, и возвращается обратно в исходную точку.

- удЭГЕЙСКИЙ (южный; с. Красный Яр, Приморский край)
 (17) *ge, si ei dogbo-ni bi aji-we-i bi duŋsi:*
 well you this night-3SG me INDEF-ACC-1SG me thing.1SG
zomi-ne-se:-i?
 steal-DIR-EXP.PST-2SG

‘{Well, she went and said to this man, she said:} Well, did you come to steal my things last night?’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 893].

Таким образом, значение удэгейского показателя *-nA*, по всей видимости, не связано с глагольной ориентацией, и называть его андативом, по крайней мере в том же смысле, в котором этот термин употребляется выше, некорректно, в связи с чем он глоссируется здесь как директивный показатель, вслед за [Nikolaeva, Tolskaya 2001]. Нельзя исключать, что и в ряде других языков Сибири, где не засвидетельствована оппозиция андатива и вентива, единственный направительно-целевой показатель также не обязательно связан с глагольной ориентацией. В частности, полевые данные, собранные в с. Амгуэма в 2016–2018 гг., говорят о том, что в чукотском языке показатель *-sqiw* также может значить не только ‘пойти, чтобы Р’, но и ‘прийти, чтобы Р’. Для таких показателей можно было бы зарезервировать термин *перегринатив*, отмеченный в [Мельчук 1998: 414], однако в практике последних лет [Стойнова 2016; 2017], как кажется, закрепилось более простое и понятное (хотя в то же время и более громоздкое) название — показатели «движения с целью» (ср. английский термин «*motion-cum-purpose*»).

5. Типологические параллели

Показатели, напоминающие андатив и вентив в языках Северной Евразии, обнаруживаются в ряде языковых семей Африки, прежде всего в банту, а также в чадских, нилотских и атлантических языках [Плунгян 2002]; ср. пример из языка зулу.

- зулу (банту < бенуэ-конголезские; ЮАР)
 (18a) *u-zo-sebenza*
 I-VEN-работать
 ‘Он пришел работать’ [van Eeden 1956: 266] (цит. по [Гусев 2013: 67]).

(18b) *u-yo-lima*

I-AND-пахать

‘Он пошел пахать’ [ibid.].

Эти аффиксы фигурируют в различных грамматиках под разными именами: в частности, вместо *andative* можно встретить *itive*, *centrifugal*, *translocative*, *allative*, вместо *ventive* (или *venitive*, хотя такой вариант представляется некорректным) — *centripetal*, *cislocative* и др. В наши цели не входит обзор всех возможных терминологических вариантов, однако стоит отметить, что необходимо различать показатели, которые специализированы на выражении дейктической ориентации и ни при каких условиях не могут сами обозначать событие перемещения, и те, которые выражают событие перемещения (при этом обычно ориентируя его относительно дейктического центра) в сочетании не с глаголами перемещения. Один из возможных вариантов: использовать пару «центробежный» (*centrifugal*) vs. «центростремительный» (*centripetal*) для первого рода показателей (ср. примеры (19a–b) из австронезийского языка тоабаита ниже), а для последнего — зарезервировать пару андатов (итив) vs. вентив, как уже предлагалось в [Плунгян 2002].

ТОАБАИТА (океанийские < австронезийские; Соломоновы острова)

(19a) *Nau ku fale-a kau teqe necklace fa-mu*
 1SG 1SG.NFUT send-3.OBJ CFG one necklace REC-2SG.PRS
 ‘I am sending you a necklace’ [Lichtenberk 2008: 218].

(19b) *Ngali-a mai kate baa.*
 carry-3.OBJ CPT card that
 ‘Bring the (playing) cards’ [ibid.].

Показатели, аналогичные *kau* и *mai* в тоабаита, отмечаются во многих других языках Океании, но вообще они встречаются в самых разных языковых ареалах; ср., например, грузинские превербы *mi-* vs. *mo-* или немецкие *hin-* vs. *her-* соответственно (как минимум последние в сочетании не с глаголами движения склонны к лексикализации [Lehmann 1991: 515]).

Относительно большинства чадских и нилотских языков, данные по которым подробны, стоит отметить, что показатели андativa и вентива в них в сочетании не с глаголами движения, как

правило, не могут систематически выражать контраст, иллюстрируемый в примерах (18a–b) из бантуского языка зулу. Так, например, в [Kiessling 2007] заявляется, что в нилотском языке датог (Datooga; Танзания) центростремительный показатель *-un*, присоединяясь к нединамическим глаголам, выражает обычно автобенефактивное, а центробежный показатель *-d* — альтрилокативное значение ‘Р в другом месте’, однако эти показатели, по-видимому, не могут маркировать само событие перемещения. Подробнее о ситуации в чадских и нилотских языках см. классические работы [Frajzyngier 1987; Jungraithmayr 1998; Dimmendaal 2003].

Другая традиция описания похожих, но не идентичных, показателей берет свое начало в исследованиях по австралийским языкам и состоит в выделении особой категории «сопутствующего движения» (*associated motion*); ср. основополагающие статьи [Koch 1984; Wilkins 1991]. Рассмотрим примеры из австралийского языка вамбая.

ВАМБАЯ (западно-барклийские < миндийские; Австралия)

(20a) *Gannga mirnd-**amany***

return 1.DU.INC.S-PST.VEN

‘We came back’ [Nordlinger 2010: 237].

(20b) *Gannga mirnd-**any***

return 1.DU.INC.S-PST.AND

‘We went back’ [ibid.].

(21) *Gulugbi ng-**uba** ngawurniji*

sleep 1.SG.S-NPST.AND 1.SG.NOM

‘I’ll go (away) and sleep’ [ibid.: 244].

Аффиксы андатива и вентива в вамбая кумулятивно выражают время и присоединяются к вспомогательному глаголу, несущему показатели лица и числа. Как видно из примеров (19a–b), в сочетании с недейктическими глаголами движения, андатив и вентив задают как раз направление движения от дейктического центра или к нему соответственно. В сочетании с другими глаголами (не движения; ср. (21)) они регулярно выражают как направление движения, так и само событие перемещения. Как следует из описания Р. Нордлингер, событие перемещения в такой конструкции происходит строго до основного события, Агенса ситуации перемещения всегда совпадает с главным аргументом смыслового глагола, а аргументная

структура и переходность конструкции полностью определяются смысловым глаголом. Таким образом, ограничения, связанные с темпоральной упорядоченностью событий, кореферентностью аргументов и (в общем случае) переходностью, наблюдаемые в вамбая, аналогичны тем, которые встречаются в языках Сибири, с той разницей, что в вамбая данные показатели могут также сочетаться с глаголами движения, маркируя в таком случае именно дейктическую ориентацию. К сожалению, статья [Nordlinger 2010] не содержит информации о других семантических свойствах этих показателей, поскольку в целом посвящена описанию синтаксиса этой конструкции.

В ряде языков Южной Америки т. н. категория «сопутствующего движения» является словоизменяющей и может содержать более десяти граммем, которые противопоставляются в первую очередь по следующим трем параметрам: 1) выражение дейктической ориентации (+/-; если +, то движение от дейктического центра или к нему); 2) синтаксическая роль участника ситуации перемещения в клаузе (подлежащее vs. прямое дополнение); 3) темпоральная упорядоченность ситуации перемещения относительно ситуации Р, обозначаемой смысловым глаголом (ситуация перемещения предшествует во времени ситуации Р, осуществляется одновременно с ней или следует за ней). Ср. описания сложных систем в пано-таканских языках [Guillaume 2009; Vuillermet 2012], где соответствующие аффиксы сочетаются в том числе с глаголами движения. При этом граммы категории сопутствующего движения, в отличие от показателей глагольной ориентации, маркируют не только направление движения, но и саму ситуацию перемещения. Таким образом, андативные и вентивные показатели, встречающиеся в языках Сибири, могут рассматриваться как подтип категории «сопутствующего движения», при котором фиксированы синтаксическая роль участника ситуации перемещения (S/A) и временная последовательность ситуации перемещения и ситуации Р (первая предшествует второй).

Аналогичные ограничения существуют, например, в гьялронгском языке Jarhug (IPA: [tɕɤpʰɕ]), где отмечаются два показателя со значениями 'go to' и 'come to' соответственно. В то же время в Jarhug, как и в других рассмотренных выше случаях, данные показатели сочетаются в том числе с глаголами движения, однако в статье [Jacques 2013] не указывается, существуют ли различия

в поведении андативных и вентивных показателей в такого рода конструкциях и во всех остальных. Показатели андатива и вентива в этом языке очевидным образом являются результатом грамматикализации глаголов *se* ‘пойти’ и *yi* ‘прийти’, при этом они употребляются как префиксы, хотя данный язык демонстрирует строгий порядок слов с глаголом в конечной позиции. Большая часть статьи [Jacques 2013] посвящена как раз обсуждению возможных путей грамматикализации, в результате которой показатели, происходящие от глаголов, оказались префиксами. Нас, однако, интересует другая особенность употребления андативных и вентивных показателей в языке Jarhug, иллюстрируемая следующими примерами и представляющая собой один из важных параметров межъязыкового варьирования.

JARHUG (гьялронгские < тибето-бирманские; уезд Баркам, провинция Сычуань, Китай)

(22a) *azo tʃm^hum ɛ-tʃ-χtu-t-a*

I meat AND-AOR-buy-PST-1SG

‘I went to buy meat (and bought it)’ [Jacques 2013: 203].

(22b) *azo tʃm^hum u-ku-χtu jʃ-ari-a*

I meat 3SG-NMLZ:S/A-buy AOR-go-1SG

‘I went to buy meat (I may or may not have bought it)’ [ibid.].

(23a) *laχte^ha u-ku-χtu jʃ-ari-a ri*

thing 3SG-NMLZ:S/A-buy AOR-go-1SG but

tʃ-χtu-t-a maka me

AOR-buy-PST-1SG at.all NPST:not.have

‘I went to buy things but did not buy anything’ [ibid.].

(23b) **laχte^ha ɛ-tʃ-χtu-t-a ri*

thing AND-AOR-buy-PST-1SG but

tʃ-χtu-t-a maka me

AOR-buy-PST-1SG at.all NPST:not.have

Ожидаемое значение: = ‘23a’ [ibid.].

В языке Jarhug, как и в большинстве других названных выше языков, сосуществуют две конструкции: с морфологическим показателем андатива / вентива и с финитным глаголом движения. Однако контраст между этими конструкциями гораздо более значителен, чем, например, в лесном ненецком языке. Только в конструкции

с финитным глаголом движения ситуация Р, ради которой осуществляется перемещение, является целью и необязательно имеет место в актуальном мире, что показывается в примере (23а) с помощью теста на отрицание. Напротив, в случае андативного и вентивного дериватов отрицание ситуации Р невозможно. На языке Jarhug нельзя сказать ‘Я пошел спать, но не смог уснуть’, используя морфологический показатель андатива в первой клаузе, что доказывает, что андатив и вентив в этом языке демонстрируют положительное значение параметра «импликативность», предполагая реальность осуществления ситуации Р в актуальном мире. На этом мы закончим краткий обзор типологических параллелей и перейдем к заключению.

6. Заключение

Настоящая статья была посвящена глагольным показателям, обозначающим перемещение субъекта с целью совершить действие Р, в языках Сибири. Ранее подобные морфемы в языках данного ареала не привлекали широкого внимания типологов, а в различных грамматиках описывались в кругу различных явлений, в частности, среди аспектуальных или модальных показателей. В данной работе мы стремились показать, что такой взгляд если и может быть оправдан, то лишь отчасти.

С типологической точки зрения направительные показатели в языках Сибири, по-видимому, могут рассматриваться как подтип особой категории т. н. «сопутствующего движения»¹³ (имеющей традицию описания в исследованиях по языкам Австралии и Южной Америки), при котором фиксированы синтаксическая роль участника ситуации перемещения (он кореферентен S/A-участнику ситуации, обозначаемой исходным глаголом) и временная последовательность ситуации перемещения и ситуации Р (первая предшествует второй). Отдельная оговорка здесь касается того, что в языках Сибири это очевидным образом словообразовательные, а не словоизменительные показатели.

¹³ В то же время мы в целом поддерживаем терминологические предложения, высказанные в статьях [Стойнова 2016; 2017], и согласны, что в идеале следует различать показатели андатива/вентива, сопутствующего движения и движения с целью.

Таковы основные общие свойства, разделяемые направлятельными показателями во всех рассмотренных языках. Остальные свойства являются параметрами межъязыкового варьирования и нуждаются в дополнительном изучении. Разумеется, в рамках этой короткой статьи невозможно было обсудить все языки Сибири и все релевантные параметры. К тому же многие важные сведения, касающиеся исследуемых показателей, отсутствуют в имеющихся описаниях и текстах и требуют полевой работы. Нашей целью было скорее очертить круг возможных вопросов, чем дать на них окончательные ответы. Ниже в виде списка представлены основные параметры варьирования, выявленные в рамках настоящей работы:

- характер ориентации (дейктический vs. недейктический);
- противопоставление по направлению движения (андатив vs. вентив);
- имплицативность, т. е. следует ли из реальности ситуации перемещения реальность ситуации Р;
- сочетаемость с неагентивными глаголами;
- сочетаемость с базовыми глаголами перемещения;
- влияние на видовые характеристики основы;
- влияние на модель управления предиката.

Кроме того, разумеется, важным является изучение путей грамматикализации соответствующих показателей, их связей и взаимодействия с другими глагольными категориями (в частности, рефактивом). Все это и многое другое остается предметом будущих исследований, однако, надеемся, нам удалось продемонстрировать, что и в рамках данной семантической зоны языки Сибири представляют чрезвычайный интерес с точки зрения типологии и общей теории грамматики, что, в частности, убедительно показано во многих работах Александра Павловича Володина.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — агенсоподобный актанта переходного глагола; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; AND — андатив; ANAL — компонент аналитической формы глагола; AOR — аорист; CAUS — каузатив; CFG — центробежный показатель; COND — кондиционал; CPT — центростремительный показатель; CVB — конверб; DAT — датив; DEM — указательное местоимение; DIM — диминутив; DIR — направлятельный показатель; DU — двойственное число; EMPH — эмфаза; EQU — экватив;

ERG — эргатив; EXP — экспериентив; FUT — будущее время; GFS — общая финитная основа; IMP — императив; INC — инклюзивность; IND — индикатив; INDEF — неопределенное местоимение; INF — инфинитив; INTS — интенсификатор; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; LAT — латив; LOC — локатив; NARR — нарратив; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; NPL — множественное число; NPST — непрошедшее время; NSG — неединственное число; OBJ — прямое дополнение; OBL — косвенное дополнение; OPT — оптатив; P — пациенсоподобный актанта переходного глагола; PASS — пассив; PER — перергинатив; PF — перфект; PL — множественное число; PN — личное местоимение; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PURP — направительно-целевой показатель; REC — реципиент; S — единственный актанта непереходного глагола / субъектная согласовательная серия (лесной и тундровый ненецкий); SG — единственное число; SIDE — словообразовательный суффикс со значением ‘сторона’; SS — односубъектность; TH — тематический суффикс; VEN — вентив

Литература

- Виняр 2016 — А. И. Виняр. Чукотские глагольно-глагольные компаунды: к противопоставлению инкорпорации и сериализации глагольных основ // М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2016. С. 66–87.
- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Гусев 2012 — В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 311–360.
- Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянских культур, 2013.
- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьёва. Язык и фольклор аллоторцев. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыгейский (удэгейский) язык. Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. М.: Наука, 1998.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Мальцева 1998 — А. А. Мальцева. Морфология глагола в аллоторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

- Мальцева 2013 — А. А. Мальцева. Способы выражения начала действия в чукотско-корякских языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 12. Вып. 2: филология, 2013. С. 142–153.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2: Морфологические значения. Москва: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Петрова 1967 — Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Плунгян 2002 — В. А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 57–98.
- Роббек 1982 — В. А. Роббек. Виды глагола в эвенском языке. Л.: Наука, 1982.
- Стойнова 2012 — Н. М. Стойнова. Рефактив и смежные глагольные значения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 867–949.
- Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс *-nda* в нанайском языке // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 86–111.
- Стойнова 2017 — Н. М. Стойнова. Показатели движения с целью в южно-тунгусских языках и категория associated motion // Е. М. Девяткина (отв. ред.). Проблемы языка: Сб. науч. ст. по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (16–17 февраля 2017 г.). М.: Институт языкознания РАН; Канцлер, 2017. С. 321–339.
- Татовосов 2015 — С. Г. Татовосов. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Шлуинский 2012 — А. Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 950–996.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Alonso de la Fuente, Jacques 2018 — J. A. Alonso de la Fuente, G. Jacques. Associated motion in Manchu in typological perspective // Language and Linguistics. 2018. № 19 (4). P. 501–524.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview // SOAS Working Papers in Linguistics. 2015. № 17. P. 49–76.
- Dimmendaal 2003 — G. J. Dimmendaal. Locatives as core constituents // E. Shay, U. Seibert (eds.). Motion, Direction and Location in Languages: In honor of Zygmunt Frajzyngier. (Typological Studies in Language 56).

- Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 91–109.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD thesis. Australian National University, 1999.
- Fortescue 2005 — M. Fortescue. Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary. (Trends in Linguistics. Documentation 23). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Frajzyngier 1987 — Z. Frajzyngier. Ventive and centrifugal in Chadic // *Afrika und Übersee*. 1987. № 70 (1). P. 31–47.
- Georg, Volodin 1999 — S. Georg, A. P. Volodin. Die itelmenische Sprache: Grammatik und Texte. (Tunguso-Sibirica 5). Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1999.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de ‘mouvement associé’ en cavineña // *Faits de Langues*. 2009. № 34 (2). P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives // *Linguistic Typology*. 2016. № 20 (1). P. 81–177.
- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order // *Linguistic Typology*. 2013. № 17 (2). P. 187–215.
- Jungraithmayr 1998 — H. Jungraithmayr. The ventive/allative dichotomy in some West African languages // P. Zima, V. Tax (eds.). *Language and Location in Space and Time*. München: LINCOM Europa, 1998. P. 85–91.
- Kiessling 2007 — R. Kiessling. Space and reference in Datooga verbal morphology // D. Payne, M. Reh (eds.). *Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*. Hamburg, August 22–25, 2001. Köln: Rüdiger Köppe, 2007. P. 123–142.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of ‘associated motion’ in Kaytej // *Language in Central Australia*. 1984. № 1. P. 23–34.
- Lehmann 1991 — Ch. Lehmann. Grammaticalization and related changes in contemporary German // B. Heine, E. C. Traugott (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. (Typological Studies in Language 19). Vol. 2. Focus on types of grammatical markers. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 493–535.
- Lichtenberk 2008 — F. Lichtenberk. A Grammar of Toqabaqita. (Mouton Grammar Library 42). Vol. 1. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. (Mouton Grammar Library 22). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Nordlinger 2010 — R. Nordlinger. Complex predicates in Wambaya: detaching predicate composition from syntactic structure // M. Amberber, B. Baker, M. Harvey (eds.). *Complex Predicates: Cross-Linguistic Perspectives on Event Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 237–258.

- Rose 2015 — F. Rose. Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations // *Folia Linguistica*. 2015. № 49 (1). P. 117–158.
- Salminen 2007 — T. Salminen. Notes on Forest Nenets phonology // J. Ylikoski, A. Aikio (d.). Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahtii miessemánu 21. beavivve 2007 [Sámi, Words, Word Shapes. A Festschrift for Pekka Sammallahti on the 21st May 2007]. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura — Société Finno-Ougrienne, 2007. P. 349–372.
- van Eeden 1956 — B. I. C. van Eeden. Zoeloe-grammatika. Stellenbosch; Grahamstad: Die Universiteitsuitgewers en -boekhandelaars, 1956.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. A Grammar of Ese Ejja, a Takanan language of the Bolivian Amazon. PhD thesis. Université Lyon 2, 2012.
- Wilkins 1991 — D. P. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of ‘associated motion’ in Mparntwe Arrernte // *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. № 1. P. 207–257.

Источники

- Володин 2008 — А. П. Володин. Ительменские тексты. Т. 1. Фольклорные тексты. Южный диалект. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Володин рук. — А. П. Володин. Ительменские тексты. Рукопись.
- Вэлла 2008 — Ю. К. Вэлла. Поговори со мной: книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу: (вариант пятый, с переводами на язык ханты). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.
- Шнейдер 1937 — Е. Р. Шнейдер. Материалы по языку анойских удэ. М.; Л.: Государственное уч.-пед. изд-во, 1937.

References

- Alonso de la Fuente, Jacques 2018 — J. A. Alonso de la Fuente, G. Jacques. Associated motion in Manchu in typological perspective. *Language and Linguistics*. 2018. No. 19 (4). P. 501–524.
- Belkadi 2015 — A. Belkadi. Associated motion with deictic directionals: A comparative overview. *SOAS Working Papers in Linguistics*. 2015. No. 17. P. 49–76.
- Dimmendaal 2003 — G. J. Dimmendaal. Locatives as core constituents. E. Shay, U. Seibert (eds.). *Motion, Direction and Location in Languages: In honor of Zygmunt Frajzyngier*. (Typological Studies in Language 56). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 91–109.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD thesis. Australian National University, 1999.

- Fortescue 2005 — M. Fortescue. Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary. (Trends in Linguistics. Documentation 23). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- Frajzyngier 1987 — Z. Frajzyngier. Ventive and centrifugal in Chadic. *Afrika und Übersee*. 1987. No. 70 (1). P. 31–47.
- Georg, Volodin 1999 — S. Georg, A. P. Volodin. Die itelmenische Sprache: Grammatik und Texte. (Tunguso-Sibirica 5). Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1999.
- Guillaume 2009 — A. Guillaume. Les suffixes verbaux de ‘mouvement associé’ en cavineña. *Faits de Langues*. 2009. No. 34 (2). P. 181–204.
- Guillaume 2016 — A. Guillaume. Associated motion in South America: Typological and areal perspectives. *Linguistic Typology*. 2016. No. 20 (1). P. 81–177.
- Gusev 2012 — V. Yu. Gusev. Aspekt v nganasanskom yazyke [Aspect in Nganasan]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistscheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 311–360.
- Gusev 2013 — V. Yu. Gusev. Tipologiya imperativa [Typology of imperative]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2013.
- Jacques 2013 — G. Jacques. Harmonization and disharmonization of affix ordering and basic word order. *Linguistic Typology*. 2013. No. 17 (2). P. 187–215.
- Jungraithmayr 1998 — H. Jungraithmayr. The ventive/allative dichotomy in some West African languages. P. Zima, V. Tax (eds.). *Language and Location in Space and Time*. München: LINCOM Europa, 1998. P. 85–91.
- Kibrik et al. 2000 — A. E. Kibrik, S. V. Kodzasov, I. A. Muravyeva. Yazyk i folklor alyutortsev [Language and the folklore of the Alutor people]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences; Nasledie, 2000.
- Kiessling 2007 — R. Kiessling. Space and reference in Datooga verbal morphosyntax. D. Payne, M. Reh (eds.). *Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*. Hamburg, August 22–25, 2001. Köln: Rüdiger Köppe, 2007. P. 123–142.
- Koch 1984 — H. Koch. The category of ‘associated motion’ in Kaytej. *Language in Central Australia*. 1984. No 1. P. 23–34.
- Kormushin 1998 — I. V. Kormushin. Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk. Materialy po etnografii. Ocherk fonetiki i grammatiki. Teksty i perevody. Slovar [Udihe. Materials on ethnography. Sketch of phonetics and grammar. Texts and translations. Dictionary]. Moscow: Nauka, 1998.
- Lehmann 1991 — Ch. Lehmann. Grammaticalization and related changes in contemporary German. B. Heine & E. C. Traugott (eds.). *Approaches to Grammaticalization*. (Typological Studies in Language 19). Vol. 2. Focus on types of grammatical markers. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 493–535.
- Lichtenberk 2008 — F. Lichtenberk. A Grammar of Toqabaqita. (Mouton Grammar Library 42). Vol. 1. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.

- Lyutikova et al. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazelskaya, A. B. Shluinskiy. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, 2006.
- Maltseva 1998 — A. A. Maltseva. *Morfologiya glagola v alyutorskom yazyke* [Verbal morphology in Alutor]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1998.
- Maltseva 2013 — A. A. Maltseva. *Sposoby vyrazheniya nachala deystviya v chukotsko-koryakskikh yazykakh* [Ways of expressing the beginning of an action in the Chukchi-Koryak languages]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2013. Vol. 12. Issue 2. P. 142–153.
- Mel'čuk 1998 — I. A. Mel'čuk. *Kurs obshchey morfologii*. Tom II, Ch. 2: *Morfologicheskie znacheniya* [The course of general morphology. Vol. II. Part 2: Morphological meanings]. Moscow: Yazyki russkoy kultury; Vienne: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *A Grammar of Udihe*. (Mouton Grammar Library 22). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Nordlinger 2010 — R. Nordlinger. *Complex predicates in Wambaya: detaching predicate composition from syntactic structure*. M. Amberber, B. Baker, M. Harvey (eds.). *Complex Predicates: Cross-Linguistic Perspectives on Event Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 237–258.
- Petrova 1967 — T. I. Petrova. *Yazyk orokov (ulta)* [The language of the Orok people (Uilta)]. Leningrad: Nauka, 1967.
- Plungian 2000 — V. A. Plungian. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: An introduction]. Moscow: Editorial URSS, 2000.
- Plungian 2002 — V. A. Plungian. *O spetsifike vyrazheniya imennykh prostranstvennykh kharakteristik v glagole: kategoriya glagolnoy oriyentatsii* [On the expressing nominal spatial characteristics in the verb: the category of verbal orientation]. V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Investigations into the theory of grammar]. Issue 2. *Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy v yazykakh mira* [Grammaticalization of spatial meanings in the languages of the world]. Moscow: Russkiye slovari, 2002. P. 57–98.
- Robbek 1982 — V. A. Robbek. *Vidy glagola v evenskom yazyke* [Verbal aspect in Even]. Leningrad: Nauka, 1982.
- Rose 2015 — F. Rose. *Associated motion in Mojeño Trinitario: Some typological considerations*. *Folia Linguistica*. 2015. No. 45 (1). P. 117–158.
- Salminen 2007 — T. Salminen. *Notes on Forest Nenets phonology*. J. Ylikoski, A. Aikio (eds.). *Sámit, sánit, sátnehámít. Riepmočála Pekka Sammallahtii*

- miessemánu 21. beaivve 2007* [Sámi, Words, Word Shapes. A Festschrift for Pekka Sammallahti on the 21st May 2007]. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura — Société Finno-Ougrienne, 2007. P. 349–372.
- Shluinskiy 2012 — A. B. Shluinskiy. Faktativ i smezhnye kategorii: opyt tipologii [Factative and adjacent grams: a tentative typology]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 950–996.
- Shneyder 1936 — E. R. Shneyder. Kratkiy udeysko-russkiy slovar. S prilozheniem grammaticheskogo ocherka [A short Udihe-Russian dictionary, with a grammatical sketch]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1936.
- Stoynova 2012 — N. M. Stoynova. Refaktiv i smezhnye glagolnye znacheniya [The refactive: types of polysemy]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. 2012. Vol. VIII. Pt. 2. P. 867–949.
- Stoynova 2016 — N. M. Stoynova. Pokazateli «dvizheniya s tselyu» i sobytiynaya struktura: suffiks -nda v nanayskom yazyke [Markers of “motion-cum-purpose” and event structure: -nda suffix in Nanai]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2016. No. 4. P. 86–111.
- Stoynova 2017 — N. M. Stoynova. Pokazateli dvizheniya s tselyu v yuzhnoutungusskikh yazykakh i kategoriya associated motion [Motion-cum-purpose markers in the Southern Tungusic languages and the typology of associated motion]. E. M. Devyatkina (editor-in-chief). *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statey po materialam Pyatoy konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (16–17 fevralya 2017 g.)* [Problems of language: Proceedings of the Fifth conference/school “Problems of language: view of young scholars” (16–17 February, 2017)]. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Kantsler, 2017. P. 321–339.
- Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. Aktsionalnost v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya [Actionality in lexicon and grammar. Verb and event structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- van Eeden 1956 — B. I. C. van Eeden. Zoeloe-grammatika. Stellenbosch; Grahamstad: Die Universiteitsuitgewers en -boekhandelaars, 1956.
- Vinyar 2016 — A. I. Vinyar. Chukotskie glagolno-glagolnyye kompaundy: k protivopostavleniyu inkorporatsii i serializatsii glagolnykh osnov [Chukchi verb-verb compounds: towards a distinction between verb incorporation and verb root serialization]. M. B. Konoshenko, E. A. Lyutikova, A. V. Tsimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016»*. Vyp. 3 [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016”. Issue 3]. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2016. P. 66–87.

- Volodin 1976 — A. P. Volodin. Itelmenskiy yazyk [Itelmen]. Leningrad: Nauka, 1976.
- Vuillermet 2012 — M. Vuillermet. A Grammar of Ese Ejja, a Takanan language of the Bolivian Amazon. PhD thesis. Université Lyon 2, 2012.
- Wilkins 1991 — D. P. Wilkins. The semantics, pragmatics and diachronic development of ‘associated motion’ in Mparntwe Arrernte. *Buffalo Papers in Linguistics*. 1991. No. 1. P. 207–257.

Sources

- Shneyder 1937 — E. R. Shneyder. Materialy po yazyku anyuyskikh ude [Materials on the language of the Anyuy Udege]. Moscow; Leningrad: State educational and pedagogical publishing house, 1937.
- Vella 2008 — Yu. K. Vella. Pogovori so mnoy: kniga dlya nenetskogo studenta i dlya togo, kto khotel by poslushat nenetskuyu dushu: (variant pyatyy, s perevodami na yazyk khanty) [Speak with me: a book for Nenets students and for those who would like to listen to a Nenets soul (the fifth version, with translations into Khanty)]. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2008.
- Volodin 2008 — A. P. Volodin. Itelmenskie teksty [Itelmen texts]. Vol. 1. Folklornye teksty. Yuzhnyy dialekt [Folklore texts. The Southern dialect]. St. Petersburg: St. Petersburg University, Faculty of Philology and Arts, 2008.
- Volodin ms. — A. P. Volodin. Itelmenskie teksty [Itelmen texts]. Manuscript.